УДК 327(529)

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

© 2011 г.

О.А. Колобов, И.В. Шамин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ovpb@mail.ru

Поступила в редакцию 06.12.2010

Рассматривается теоретическая модель ведения геополитической борьбы на межгосударственном уровне, которая сформировалась в Китае. Для китайской стратегической культуры сокрушения «враждебных» государств является характерным использование прежде всего тех кризисных явлений, которые формируются внутри атакуемых стран.

Ключевые слова: геополитическая борьба, точка бифуркации, стратегия непрямых геополитических действий, синергетика, «эпоха сражающихся царств», война, стратегическая культура.

Зарождение технологии геополитического противоборства, которую отечественные и зарубежные специалисты определяют в настоящее время такими понятиями-синонимами, как «стратегия непрямых геополитических действий», «организационное оружие», «мягкая сила» и др. [1, с. 72–73], произошло в Китае еще в V в. до н. э. Данный период китайской истории известен как эпоха Чжаньго – «эпоха сражающихся царств» (403–221 гг. до н. э.). В это время Китай был политически раздроблен и на его территории существовал целый ряд государств, которые вели между собой ожесточенные войны за то, чтобы объединить под своей властью всю Поднебесную.

Формирование в Китае в «эпоху сражающихся царств» как самого указанного концепта геополитического противоборства, так и соответствующей практической модели по его воплощению в жизнь оказалось далеко не случайным и было обусловлено двумя главными причинами, при этом тесно взаимосвязанными между собой.

Во-первых, важнейшую роль здесь сыграли особенности самой ментальности, присущей китайцам, сложившейся во многом под влиянием тех достаточно трудных объективных условий, в которых приходилось жить и выживать элите и населению Древнего Китая. Это – относительно небольшая площадь пригодной для проживания и благоприятной для занятий сельским хозяйством территории, высокая плотность населения, скудные ресурсы, замкнутость китайской цивилизации и др. Во многом вследствие сформировавшейся под воздействием указанных объективных реалий специфики национального характера у китайцев выработался иной, отличный от европейцев образ мышления, а также соответствующие ему методики и технологии по практическому достижению поставленных «целей», в том числе и в сфере геополитической борьбы. Причем сама логика китайского мышления, как можно констатировать, начиная с эпохи древности уже изначально стала строиться на тех же основополагающих мировоззренческих принципах, которые были сформулированы европейскими учеными-синергетиками только во второй половине XX – начале XXI века в ходе изучения феномена «хаоса» и которые при этом получили на Западе и в России такое понятийное обозначение (характеризующее их именно как специфичный тип «западной» аналитической логики), как «квантовая» и/или «синергетическая» логика. Сутью этих возникших еще тогда китайских технологий «жить и выживать» стало стремление достигать необходимых «результатов» с как можно меньшими для себя усилиями и материальными издержками, прежде всего с помощью «привлечения» и «задействования» для осуществления «собственных замыслов» максимально возможного объема «чужих» сил и средств, а также использования «благоприятных» для выполнения своих планов сложившихся объективных и субъективных условий.

По нашему мнению, очень точно концептуальную сущность этой китайской «синергетической методологии» планирования любых действий и «операций», включая и процесс выстраивания геополитического противоборства, изложили российские специалисты-системщики

М. Калашников и С. Кугушев. «У них (китайцев. – *Прим. авт.*), – отмечали они, – вообще нет цели, отнесенной на будущее. У них есть цель как изменение текущей ситуации. Что делает китаец? Он постоянно анализирует шансы и потенциалы текущего момента. В отличие от нашего языка, где есть понятие «цель», у китайца наличествует понятие «потенциал ситуации». Он говорит: вот в этом положении я могу найти путь, используя потенциалы ситуации. Мне не надо ломится сквозь реальность – реальность сама вынесет меня в нужную сторону.

Ситуация может развиваться в несколько сторон. Вероятность каждого из вариантов – столько-то и столько-то процентов. …Если я буду действовать так, то ситуация начнет развиваться, наверное, в нужном мне направлении. Я нарушу ее стабильность, создав точку-джокер, момент перехода. Появились шансы направить развитие событий в нужную сторону.

Ситуация покатилась куда надо? Прекрасно. Введем ее в русло. Возникла новая ситуация. Проанализируем ее. Откорректируем ее, скажем, отклонив чуть вправо. Китаец никогда не насилует реальную жизнь – он из нее исходит, лишь слегка подправляя. Прямое воздействие вредно: оно грозит разрушить саму ситуацию. Это надо делать лишь тогда, когда другого выхода нет. Но пока есть хоть малейшая возможность выбора – я буду действовать незаметно, косвенно. Чем меньше необходимое воздействие – тем лучше. Образно говоря, стоит, например, задача метнуть копье на шестьдесят метров и попасть точно в круг. Вероятность этого – всего пять процентов. Европеец положит огромные силы на то, чтобы научиться бросать копье далеко и точно. И то риск не попасть в круг и натворить много бед при этом сохранится. Китаец же знает: сил его на такой дальний бросок недостаточно. Поэтому я возьму в союзники ситуацию. Дождусь необычайно сильного ветра в желанном направлении – и метну снаряд, используя энергию шквала.

Китаец способен взять самый маловероятный сценарий развития ситуации и направить события именно в эту сторону. И случается, казалось бы, совершенно немыслимое.

…В результате (оперативная. – *Прим. авт.*) задача китайской стратегии заключается в сохранении сложившегося положения вещей и получения локального, местного (т.е. тактического. – *Прим. авт.*) выигрыша» [2, с. 1032–1033] .

Другими словами, главной особенностью китайской стратегической культуры «жить и выживать», основывающейся на «квантово-синергетической логике», является, как можно заключить, прежде всего поиск и выделение в рамках той «реальности», в которой приходится действовать для реализации сформулированных планов, уже сложившихся, причем образовавшихся именно естественным путем, «точек бифуркации». И затем достижение поставленных целей на основе постепенной трансформации, изменения этой самой «реальности» в соответствии с собственными интересами путем главным образом «непрямого», «косвенного» воздействия на уже имеющиеся здесь участки «бифуркации», или, по-другому, – на уже существующие в рамках «реальности» локальные точки системного кризиса.

В свою очередь, бывший российский военный разведчик, эксперт по Китаю А. Девятов пришел к выводу о том, что отличительной чертой этой китайской «логики мышления», которая легла в основу национальной стратегической культуры, сформировавшейся в этой стране в течение столетий, стала «принципиальная троичность или, лучше сказать, тринитарность китайской логики, совершенно нетипичная для европейского, западного ratio с его принципом «исключительного третьего». Для китайцев «единое раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил». Поэтому вся китайская логика состоит в нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон» [3, с. 54]. Причем сам концепт подобного «построения» данного типа логики мышления, как считает А. Девятов, образует специфичный базовый логический закон. Согласно его содержанию, «одна, даже количественно меньшая третья сила (все равно, активная или пассивная), тем не менее, перетягивает на свою сторону в связке количественно явно большую сумму двух других сложенных вместе, но противоположных ей по знаку сил. Так, пассивная позиция перетягивает две активные позиции и переворачивает всю ситуацию в свою пользу и наоборот. Этот «принцип цикла перемен» представлен в трехфазном тяговом электрическом двигателе, где пассивная позиция – ноль выступает не мертвой точкой, а необходимым условием вращения при двух активных позициях – фазах.

В некитайской же логике на чаше весов результат действия суммы двух одинаковых сил всегда должен быть больше, чем результат действия одной противостоящей силы. А то обстоятельство, что бывает и не так, требует приведенных выше специальных иллюстраций на электрической схеме с параллельными выклю-

чателями или же разъяснений по двоичной системе счисления» [3, с. 55–56].

Вследствие этого в стратегической культуре Китая общий концептуальный замысел процесса ведения геополитической борьбы уже в древности приобрел ярко выраженный «пассивный» характер. А. Девятов, рассматривая данный вопрос, выделил при этом следующие основополагающие закономерности, которые фактически изначально стали присущи китайской «пассивной стратегии» сокрушения геополитических противников: «Когда противостоящая вам активная сила равна или больше вашей, то по-китайски правильно будет не наращивать поступательное лобовое сопротивление, а поддаться, проявить не силу, а дать слабину. Созданием третьего вращательного момента сделать уступку изначально в том же направлении, куда гнет противник, но по ходу уже вращения осуществить перехват вектора противостоящей силы и вывернуть сумму сил в противоположное противнику направление или, на худой конец, увести контрсилу в безопасное место. А в пассивной, патовой ситуации китайского неделания следует привлекать любую третью силу (все равно, заинтересованного в Вас посредника или даже Вашего конкурента) – с тем только, чтобы сдвинуть симметрию, провернуть цикл с мертвой точки.

Циклы деятельности и синусоиды их периодов всегда можно разложить на комбинации трех или шести сил, с тем чтобы по ним провести стратегический прогноз развития ситуации за китайскую сторону. А если расчет сил невозможен или сомнения после анализа недостоверных данных сохраняются, то для сравнения сомнительных выводов относительно перспективы можно обратиться и к беспристрастному «обезличенному оракулу», то есть собственно к «Канону перемен», «И Цзин», а затем и задуматься об «исправлении имен» (асимметричном ответе)» [3, с. 54–55].

В то же время в Китае также сложились особые, отличные от западных, представления относительно критериев достижения «победы» над противником в процессе геополитического противоборства. Как констатировали А. Девятов и российский культуролог М. Мартиросян в ходе обсуждения данной темы, наиболее четко эти параметры «победы» по-китайски нашли свое отражение в правилах таких национальных китайских игр, как «облавные шашки» («вэй ци» – «обложить со всех сторон»), китайские шахматы («сян ци» – «игра фигур»), «ма цзян» (игра, название которой дословно переводится на русский язык как «парализующий дурман»), и игральные карты. «Осмелюсь заявить, – подчеркнул при этом А. Девятов, – что принципы достижения выигрыша в карточной игре, как, впрочем, и в других национальных китайских играх, с успехом применяются китайцами для достижения побед и там, где дело касается власти и капитала. То есть и в политике, и в бизнесе. Подчеркну: принципы выигрыша в китайские игры резко отличаются от международных шахмат. И если, по мнению идеолога глобализации по-американски Збигнева Бжезинского, мировая история – это «великая шахматная доска» борьбы двух сил, то китайцы сидят за карточным столом истории, где складываются связки трех сил. Поэтому-то китайцы и выигрывают, причем неожиданно и не так, как можно было бы предположить в европейской системе координат мышления» [4, с. 388].

Говоря об особенностях правил игры в китайские облавные шашки, А. Девятов отметил следующее: «По принципу этой игры Мао Цзэдун вел и выиграл «народную войну» против японцев. Ныне по принципу «облавных шашек» осуществляется «народная война в мирных условиях» экономического наступления китайцев за пределами своей государственной границы» [4, с. 387]. И далее: «Вей ци» якобы изобрел князь У в III тысячелетии до нашей эры. Конфуций считал, что «Вэй ци учит человека жить». Это игра политиков и дипломатов, ибо ее принцип состоит в том, чтобы стремиться не выиграть, но сыграть красивую партию. «Если есть ум, то зачем сила», – гласит китайская пословица (заметьте – смысл, прямо противоположный русской пословице: «Сила есть – ума не надо»)» [4, с. 387].

В свою очередь, М. Мартиросян обратил внимание на то, как должен достигаться выигрыш («победа») по правилам игры в облавные шашки. «Только у китайцев в этой игре, – подчеркнул он, – победа достигается не побитием противника, как говорится: «ваша карта бита», не снятием с доски той или иной фигуры, типа: «ем вашего коня», но через возможности для противника делать свободные ходы по своему усмотрению. Если в принятых на Западе играх пат – это ничья, то в китайских облавных шашках воспрещение маневра противника, лишение его возможности активных действий, сковывание хода (другими словами, нейтрализация возможностей противника поддерживать динамичное состояние собственной организационной системы. – *Прим. авт.*) есть «бескровная» победа над противником через «обволакивание его в

пуховое одеяло» китайского присутствия со всех сторон.

Ничего подобного в принятых на Западе черно-белых «правилах игры на вылет» нет» [4, с. 386].

Фактически аналогичные сущностные принципы обеспечения «победы» сложились и в китайских шахматах. «В отличие от международных, – указывал А. Девятов, – в китайские шахматы можно играть и втроем: на шахматном поле за белыми и черными выстраиваются еще и красные. В «сян ци» пат (нейтрализация зла) – это, как и мат, поражение оппонента. Здесь все зависит от способности предвидеть ход игры, составить и воплотить в партии оптимальный план действий. По принципу «китайских шахмат», где участвуют три стороны и побеждает не тот, кто побил больше всего фигур противника, а тот, кто сумел уклониться от схватки и сохранить наибольшее число фигур на ключевых позициях, построена уже не народная, а официальная государственная политика КНР. Вообще же, вся китайская внешняя политика может быть сведена к схеме классического романа «Троецарствие», раскрывающего троичный принцип политической игры» [4, с. 387].

Таким образом, главной особенностью сформировавшейся в Китае стратегической культуры ведения геополитической борьбы, по мнению А. Девятова, является присущий ей принцип «пассивности и одновременно «мягкости» действий». «По-европейски, – констатирует этот специалист по Китаю, – …противоборство сил – это, так или иначе, ряд поступательных движений и линейных действий по собиранию, перегруппировке и массированию в основном материальных сил. В результате большая сила должна перешибить меньшую силу (суть отрицание). <…>

По-китайски… противоборство сил – это и вращательные движения и нелинейные действия, а победить противника – значит не только переломить его силу (отрицание), но и увести его силу в нужное или безопасное направление (через сложение сил). Если противник подловил Вас на ошибке, то по-китайски следует не противодействовать силой на силу, как в греко-римской борьбе, *но поддаться*, сопротивляясь вектору гнуться в ту же сторону, куда гнет противник. Переводить поступательное движение во вращательное. На конечном отрезке витка выворачивать вектор силы противника в выгодную вам сторону. Перехватывая вектор усилий противника, добавляя к чужой силе свою силу, менять вектор суммы сил. В этом один из главных принципов и секретов Ушу: «Мягкое обязательно побеждает твердое». Все военное искусство Востока, начиная от восточных единоборств и кончая стратегией, включая идеи Мао Цзэдуна, опираются на этот принцип. Его применению иностранцев не обучают, по-китайски – это «бао» (сокровище, закрытое для непосвященных), которое хранит «Учитель». <…>

От конкретности своего образа мышления китайцы в противоборстве (включая и сферу геополитической борьбы. – *Прим. авт.*) действуют по шаблону, по заученной и натренированной схеме. Пусть комбинаций, которыми владеет китаец, немного, но комбинации эти отработаны по классическому образцу, от начала и до конца отклонений не будет. Это не значит, что в Ушу нет места экспромту, но все же основой является заготовленный рисунок, разработанный стиль.

Противоборство – это, конечно, выяснение: чья сила больше, но если вес противников одинаков, то побеждает мысль, направляющая вектор силы» [4, с. 90–91; 5, с. 4–16, 53–105; 6, с. 238–240].

Во-вторых, в Китае в эпоху Чжаньго военные действия приобрели поистине огромный размах. В результате этого военное дело перестало быть уделом только немногочисленных профессионалов – аристократов, сражавшихся на боевых колесницах. Им на смену пришли массовые армии, численность которых достигала до миллиона человек. Причем эти армии были преимущественно пехотные, т.е. главной силой китайских армий в это время становится пехота, которая комплектовалась из крестьян фактически по принципу всеобщей воинской повинности. Главным ударным оружием китайской пехоты стал арбалет. В ходе сражений пехота строилась в плотные боевые порядки [7, с. 399]. «Войны, – как отмечал российский военный эксперт А.А. Кокошин, оценивая военно-политические особенности данного периода китайской истории, – стали захватывать значительно большее пространство, требовать все больше ресурсов на ведение боевых действий, все более сложной и громоздкой системы снабжения. В целом они стали чрезвычайно разорительным делом» [7, с. 399].

Однако массовое использование арбалетов и плотные боевые порядки китайских армий неизбежно привели также к резкому росту и боевых потерь.

Эти большие материальные издержки, а также огромные людские жертвы, которые несли китайские государства в ходе многочисленных войн между собой в период «сражаю-

щихся царств», вынуждали правителей и полководцев искать принципиально новые и эффективные методы и приемы ведения боевых действий для того, чтобы достичь победы над противником в кратчайшие сроки и с минимальными для себя потерями. Поскольку все эти масштабные потери вследствие войн очень негативно влияли прежде всего на экономику китайских государств и, таким образом, разрушали сами основы государственности. «Лицам, принимающим решения о вступлении в войну и о сражении в войне, – констатировал А.А. Кокошин, – приходилось принимать очень тяжелые решения, сопоставляя «выгоду» даже от победы с ущербом. Тогда стало доминировать мнение о том, что бой, сражение является едва ли наименее эффективным способом применения военной силы ради достижения поставленных политических целей.

Такого рода идеи… дошли в восточной военной (и политико-военной) мысли до XXI века» [7, с. 399].

В конечном итоге вследствие влияния указанных двух факторов именно в Китае еще в V в. до н.э. была впервые разработана целостная концепция ведения геополитической борьбы, которая стала строиться по принципам технологии «стратегия непрямых действий». Создателем данной модели геополитического противоборства считается китайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы. Как полководец, Сунь-цзы находился на службе в царстве У в то время, когда там правил Хо Люй (514–495 гг. до н.э.). Свое учение о стратегии достижения победы в войне он изложил в трактате «Сунь-Цзы бин фа», или «Правила ведения войны мудреца Суня».

Как следует констатировать, основополагающей идеей, на которой базировалась сформулированная Сунь-цзы концепция ведения войны (и следовательно, осуществления геополитического противоборства вообще), стал принцип «первоочередного обеспечения геополитической выгоды». «Одно из центральных понятий для Сунь Цзы, – указывал А.А. Кокошин, – «иметь выгоду» от войны: только при наличии «выгоды» война для него имеет смысл.

Для Сунь Цзы цель войны – не победа (в чисто военном смысле, т.е. не разгром вражеского войска прежде всего. – *Прим. авт.*); победа нужна не сама по себе, она нужна только как средство получения выгоды. <…>

Понятие выгоды имеет у Сунь Цзы не только высший военно-политический или экономический смысл; оно приложимо и для более частных ситуаций в ходе вооруженной борьбы – ситуаций тактических, способных повлиять на военно-стратегический результат, а через него – на высший политический.

Для Сунь Цзы слово «выгода» применимо и для целей войны вообще, и для каждого действия на тактическом уровне» [7, с. 459].

Как следует из рассуждений этого китайского полководца, использование принципа «выгоды» при планировании и непосредственном ведении боевых действий необходимо в первую очередь для того, чтобы избежать втягивания государства в затяжную войну со своими противниками. «Никогда не бывало, – писал Сунь-цзы во второй главе своего трактата, которая называется «Ведение войны», – чтобы война продолжалась долго и это было выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца всю выгоду от войны» [8, с. 39].

По мнению Сунь-цзы, эта опасность продолжительной войны заключается в первую очередь в том, что такая война требует от государства огромных финансовых расходов и других материальных затрат. «Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых, сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль, – также указывал он, – то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материалы для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружение – все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско» [8, с. 38]. И далее:

«8. Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.

9. Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

10. Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране – в домах пусто; имущество народа уменьшается на семь десятых; имущество правителя – боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на шесть десятых» [8, с. 38].

Кроме того, Сунь-цзы также выделил главные военные и политические причины того, почему правителю следует избегать участия в подобной войне:

«3. Если ведут войну и победа затягивается, – оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость, – силы подры-

ваются; если войско надолго оставляют в поле, – средств у государства не хватает.

4. Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князья, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделать не сможешь» [8, с. 38].

И как бы подводя итог такого рода рассуждениям относительно опасности долговременной войны для государства, этот китайский полководец также констатировал следующую основополагающую мысль: «Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискусности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения» [8, с. 38–39].

Фактически отталкиваясь от этих выводов, Сунь-цзы определил собственное видение концептуальной сущности войны и, таким образом, геополитической борьбы вообще. «Война, – констатировал он в первой главе своей работы, названной «Предварительные расчеты», – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» [8, с. 36].

Поэтому сама стратегия ведения вооруженной борьбы подобным образом (и следовательно, осуществления геополитического противоборства в целом), по мнению китайского полководца, которое он сформулировал в третьей главе своего трактата, имеющей название «Стратегическое нападение», должна строиться на основе следующей концепции:

«1. Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государства противника в целостности, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целостности, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целостности, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить батальон противника в целостности, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целостности, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целостности, на втором месте – разбить его. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь.

2. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости. По правилам осады крепостей такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения требует три месяца; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть свое нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом одна треть офицеров и солдат оказывается убитыми, а крепость остается не взятой. Таковы гибельные последствия осады.

3. Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целостности и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно, не притупляя оружия, иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения» [8, с. 40–41].

Таким образом, концептуальная сущность сформулированной этим китайским полководцем стратегии ведения войны заключается в том, чтобы «достигать победы над противником не сражаясь с ним», т.е. фактически избегая непосредственных военных сражений с вражескими армиями.

Вместе с тем Сунь-цзы также назвал и главный способ достижения геополитической победы в войне, согласно разработанной им стратегии. Его суть можно определить как «побеждать замыслом» [7, с. 290]. «Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом, – указывал он в первой главе трактата, – у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение» [8, с. 37].

Оценка содержания учения Сунь-цзы о военном искусстве позволяет сделать вывод о том, что сформулированная этим китайским полководцем и военным теоретиком концептуальная модель стратегии осуществления вооруженной

борьбы фактически исключает в качестве главного приоритета военной кампании открытое и прямое противоборство с армией вражеского государства. И при ведении войны подобным образом сама непосредственная борьба с войсками противника, следовательно, отнюдь не стоит на первом месте и не является основной задачей военной кампании вообще. Главным объектом «геополитической атаки» в ходе войны фактически должна быть, по замыслу Сунь-цзы, правящая элита государства-противника, т.е. сам правитель, сановники, входящие в его ближайшее окружение, и военачальники, которых необходимо путем активного воздействия на них с помощью различных средств прежде всего «переиграть замыслом» и тем самым «не дать им выиграть». И как следует констатировать, предложенную этим китайским полководцем концепцию организации и ведения боевых действий следует рассматривать не просто как узко специальную «военную теорию», а уже как самую настоящую технологию «всеохватывающей» геополитической борьбы, которая предназначена для осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне по целому ряду направлений, и только в последнюю очередь непосредственно в военной сфере. Причем по своему содержанию разработанная Сунь-цзы модель ведения геополитической борьбы, как необходимо подчеркнуть, полностью соответствует концептуальному замыслу сокрушения «вражеских» государств, который характерен именно для «стратегии непрямых действий».

На рубеже XX–XXI вв. в условиях постбиполярного мира правящие круги Китая продолжают активно применять данный «национальный» вариант модели противоборства «стратегия непрямых геополитических действий» для обеспечения геополитических и геоэкономических интересов страны на международной арене, а также в целях нейтрализации своих противников из числа других мировых держав. При этом Пекин в качестве стратегической цели своего внешнеполитического курса фактически определил превращение КНР в начале XXI в. в ведущую мировую сверхдержаву. И в этой ситуации стало вполне закономерным с точки зрения геополитики, что китайское руководство в 1990-е – начале 2000-х гг. стало рассматривать именно США как главного геополитического противника Китая. Иными словами, на «роль» основного «врага» КНР было «выбрано» то государство, правящая элита которого тоже поставила перед собой в данный период в принципе аналогичные внешнеполитические цели, т.е. стала стремиться к установлению тотального американского господства в мире, в целом обладая при этом всеми необходимыми для выполнения подобной глобальной геополитической программы возможностями – экономическими, военными, информационными, политическими, демографическими и др.

В то же время анализ содержания китайских планов относительно выстраивания геополитической борьбы против Соединенных Штатов и Запада в целом, о которых стало известно благодаря публикациям в открытой печати, позволяет утверждать, что в общем и целом эти замыслы китайских стратегов базируются на тех же основополагающих принципах обеспечения победы над врагом, которые были разработаны китайским полководцем Сунь-цзы еще в древности, а также полностью соответствуют китайской традиционной стратегической культуре «жить и выживать» вообще.

Так, российский ученый О.А. Арин, проанализировав содержание внешней политики Китая на рубеже XX–XXI вв., пришел к следующему выводу относительно специфики ее концептуальной сущности: «Китайский вариант (внешнеполитического концепта. – *Прим. авт.*) базируется на убеждении, что мир развивается по объективным законам, с его неизбежными причинно-следственными связями, в соответствии с которыми необходимо строить внешнеполитическую стратегию КНР. Она (стратегия. – *Прим. авт.*) лишена элемента наступательности или навязывания, поскольку объективные законы (например, идея о неизбежности многополярности) совпадают со стратегическими интересами Китая» [9, с. 99].

Следует также добавить, что другими такими основополагающими для китайской правящей элиты «объективными законами», по которым также идет развитие современного мира и данные тенденции мирового развития тоже полностью соответствуют стратегическим планам Пекина, являются глобализация мировой экономики и усиление взаимозависимости государств в условиях постбиполярной СМО.

Другой российский исследователь, Б.Н. Шапталов, в свою очередь, выделил еще одну особенность внешнеполитической стратегии КНР, ориентированной на достижение мирового доминирования в XXI в.: «Если в 20–30-е гг. в Советском Союзе постоянно дебатировалась тема о том, что «нас могут смять», и в 1941 г. и впрямь наступил «момент истины», то современной КНР спешить никуда не нужно. Страна может спокойно развиваться десятилетиями. А руководство выжидать по принципу «сидеть

на горе и смотреть на борьбу тигров в долине». Плод должен созреть и упасть к ногам, как это произошло с лидерским статусом США в первой половине XX в. Точно так же Китай может спокойно качать мускулы, а потом, где-нибудь в районе 2030 г., когда старые лидеры исчерпают свой потенциал, явить себя миру» [10, с. 620].

Кроме того, в 1980-е – начале 2000-х гг. правящие круги Китая создали в стране путем проведения целенаправленной внутренней и внешней политики крайне благоприятные условия для обеспечения стабильного притока инвестиций прежде всего из развитых государств Запада, включая и Соединенные Штаты, а также развития внешних торгово-экономических связей КНР вообще. Среди этих факторов, способствующих созданию благоприятного инвестиционного и торгового климата в КНР для западного капитала, в том числе и российского, специалисты особо выделяют такие, как политическая стабильность в стране, очень дешевая и одновременно квалифицированная рабочая сила, проводимая государством в интересах иностранных инвесторов и торговцев законодательная политика. В результате применения данной экономической стратегии, которая на первый взгляд была крайне «выгодной» и «привлекательной» в первую очередь для иностранного капитала, правящие круги Китая к началу 2000-х гг. фактически перестали испытывать особые трудности при формировании так называемого «лидерского финансового и экономического потенциала» страны, необходимого для достижения в будущем доминирования на международной арене, получая при этом от развитых западных государств, а также РФ фактически все необходимые для решения подобных задач технологии (машиностроительные, информационные и даже военные) и требуемый для создания современных отраслей экономики объем инвестиций [10, с. 619–620].

Как можно констатировать, аналогичного концептуального «методологического» подхода китайские стратегии придерживаются и при разработке планов относительно непосредственного «сокрушения» США. Так, в начале 2000 г. американская газета «Вашингтон таймс» опубликовала статью, в которой сообщалось о результатах исследования долгосрочной стратегии внешней политики Китая, проведенного экспертами министерства обороны США. Американские военные специалисты пришли к выводу о том, что руководство Китая всеми силами будет пытаться избегать открытой конфронтации с Соединенными Штатами приблизительно вплоть до 2030 г. Одной из главных причин формирования подобного внешнеполитического подхода Пекина к США американские военные посчитали стремление китайских правящих кругов не допустить слишком больших затрат финансовых и других ресурсов Китая на гонку вооружений для того, чтобы не надорвать страну экономически и не допустить повторения КНР судьбы Советского Союза. При этом в ходе геополитического противоборства с Вашингтоном руководство Китая свою главную ставку делает на обеспечение развала США изнутри. Для решения данной стратегической задачи китайские специалисты по геополитической борьбе рассчитывают использовать прежде всего формирующиеся внутри самих Соединенных Штатов «естественным» путем точки бифуркации и соответствующие кризисные процессы, способствующие общему упадку и ослаблению американского государства. Причем такого рода «разрушительные» тенденции в США, по мнению китайских аналитиков, должны особенно активизироваться именно к 2030 г. В целях усиления «разрушающего эффекта» от этих бифуркационных явлений внутри американского государства китайцы также намерены использовать против Соединенных Штатов до 2030 г. прежде всего так называемые «косвенные методы» геополитической борьбы – пропаганду, дезинформацию и компьютерные атаки против информационных систем. После 2030 г., в случае если США как государство действительно в значительной степени «потеряют» свою военную и экономическую мощь, как пришли к выводу американские военные специалисты, будет существовать большая вероятность того, что Китай может решиться на нанесение уже «открытого» военного удара по своему заведомо «слабому» геополитическому противнику в лице Америки [11, с. 8–9].

Оценивая своеобразие «китайского варианта» технологии прикладной реализации концепта «стратегия непрямых действий», необходимо прежде всего отметить, что главным достоинством данной модели является открывающаяся для государства-«агрессора» при ее применении возможность минимизировать расходы своих человеческих и материальных ресурсов, т.е. собственных сил и средств, на ведение геополитической борьбы и сокрушение страны-«жертвы». Поэтому в руках умелых стратегов данная технология действительно позволяет победить атакуемое государство практически «не сражаясь», причем во многом за счет использования «промахов» именно самого противника.

В то же время разработанная в Китае концептуальная модель осуществления геополитического противоборства обладает, по нашему мнению, одним очень существенным недостатком, наличие которого значительно снижает для государства-«агрессора» общую эффективность осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне подобным образом и, следовательно, также уменьшает возможности добиться убедительной «геополитической победы» в ходе этой борьбы.

Как уже отмечалось выше, любая по форме и содержанию геополитическая борьба между государствами неизбежно развивается и происходит в двух основных измерениях – во времени и в пространстве. Поэтому обеспечение стратегической победы в ходе геополитической борьбы в конечном итоге непосредственно зависит главным образом от способностей государств-противников достичь превосходства над своими соперниками прежде всего как по временным, так и по пространственным параметрам. «Китайская» прикладная модель «стратегии непрямых геополитических действий», как следует заключить, фактически предполагает игнорирование временного измерения процесса геополитического противоборства на межгосударственном уровне. Другими словами, китайские специалисты по ведению геополитической борьбы при планировании и практической реализации «боевых замыслов» практически недооценивают роль временного фактора для решения подобных задач. Это фактически означает, что «сила» государства-«агрессора» должна непосредственно наращиваться прежде всего за счет наличия и постепенного нарастания «естественной слабости» страны-«жертвы», т. е. фактически за счет формирования главным образом естественным путем положения «недоразвитости» «враждебной» страны по сравнению с «агрессором». И атакующее государство, ожидая наступления этого временного периода естественного «ослабления» своего противника до «необходимых» параметров, в ходе идущего геополитического противостояния оказывается вынужденным к тому, чтобы фактически отказаться от проведения каких-либо активных шагов против страны-«жертвы» и тем самым занимать так называемую «пассивную позицию», придерживаться «пассивной стратегии» противоборства. Вследствие этого геополитические позиции государства-«агрессора», ведущего геополитическую борьбу по данному «китайскому сценарию», неизбежно окажутся очень «уязвимыми», и даже более того – крайне невыгодными.

Это объясняется прежде всего тем, что подобное государство практически утрачивает такие важные «боевые» качества, как «инициативность» и «внезапность», наличие которых также является необходимым условием для достижения безусловной «геополитической победы» в межгосударственном противоборстве. И таким образом, для «агрессора» в данном случае шансы обеспечить полное сокрушение страны-«жертвы» значительно уменьшаются.

Кроме того, атакующее государство, правящие круги которого фактически станут игнорировать фактор «времени» при реализации технологии «стратегия непрямых геополитических действий», в свою очередь, само может превратиться в «объект» для манипулирующего геополитического воздействия прежде всего со стороны тех ведущих мировых держав, правящая элита которых также будет придерживаться концептуальной модели ведения борьбы «стратегия непрямых действий», но вместе с тем учитывать и активно использовать «значимость» как временных, так и пространственных параметров одновременно при выстраивании процессов геополитического противоборства на межгосударственном уровне. Поскольку такие державы несомненно добьются превосходства над тем государством, которое будет придерживаться «пассивной модели» указанной технологии геополитической борьбы, в первую очередь по времени, необходимому для того, чтобы опережать своего «пассивного противника» как по общему уровню развития своего экономического, научно-технологического, военного и других потенциалов, так и непосредственно в ходе противоборства и за счет этого фактически неожиданно организовывать, а также проводить против него соответствующие победоносные «геополитические операции», ориентированные на достижение поставленных тактических, оперативных и стратегических целей собственных геополитических проектов.

Еще одно важное преимущество держав, чья программа геополитической борьбы будет строиться на основе «активного» сценария «стратегии непрямых действий» – это приобретенная благодаря данному фактору органическая способность опережать такого рода «пассивного врага» и по возможностям захвата находящихся за пределами собственных границ определенных пространственно-географических районов, имеющих стратегически важное значение для успешного ведения геополитической борьбы, а также обеспечения своих геополитических и геоэкономических интересов и конкурентного потенциала на международной арене вообще.

Анализ всех указанных выше особенностей рассматриваемого варианта практического применения «стратегии непрямых действий» позволяет констатировать, что возможности правящей элиты Китая выиграть геополитическую схватку с Соединенными Штатами и стать победителями в борьбе за мировое господство, опираясь на данный концепт, выглядят как весьма проблематичные. И, по нашему мнению, существует достаточно большая вероятность того, что КНР в конечном итоге все-таки проиграет эту схватку США и их западным союзникам.

Список литературы

1. Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий: Монография / И.В. Шамин. Н. Новгород – Саров: СГТ, 2010. 432 с.

2. Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1134 с.

3. Девятов А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. 288 с.

4. Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М.: Вече, 2002. 400 с.

5. Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: Астрель: АСТ, 2004. 432 с.

6. Искусство управления / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: Астрель: АСТ, 2004. 432 с.

7. Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 528 с.

8. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003. 558 с.

9. Арин О.А. Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед. М.: Альянс, 2001. 192 с.

10. Шапталов Б.Н. Феномен государственного лидерства: экспансия в мировой истории. М.: Крафт+, 2008. 656 с.

11. Калашников М. Вперед, в СССР – 2. М.: Яуза, Эксмо, 2003. 368 с.

BASIC PRINCIPLES OF THE CHINESE STRATEGIC CULTURE OF GEOPOLITICAL STRUGGLE AT THE INTERSTATE LEVEL

O.A. Kolobov, I.V. Shamin

The authors consider a theoretical model of the geopolitical struggle implementation at the interstate level formed by China. For the Chinese strategic culture of crushing the "foe states", it is typical to use crisis situations in the countries being attacked.

Keywords: geopolitical struggle, bifurcation point, indirect geopolitical actions theory, synergy, «struggling kingdoms epoch», war, strategic culture.